

*Посвящается тем,
кто выбрал своей
судьбой профессию солдата
Двадцатипятилетию ООН «Витязь»
посвящается
(Исповедь одинокого пса войны)*

*Все фамилии реальных участников
событий изменены, так же как
и некоторые даты, дабы не смущать
невольных свидетелей и не вызывать
ненужные ассоциации.*

ПРОЛОГ

«...С чего же начать-то?»

Эта мысль долбила мозг Андрея уже несколько дней. Память. Память, зараза, не давала покоя, и хотелось вспоминать и вспоминать! О своих друзьях-однополчанах, а если уж быть до конца точным, то «одноотрядцах», если такое слово вообще существует в русском языке. Вспоминать о том, что было теперь уже давным-давно. А так ли давно? Для него, для Андрея, все, что было пережито вместе с его друзьями почти полтора десятка лет назад, оставалось таким же ясным и светлым, словно случилось только вчера. Да, вчера... И тот совершенно сумасшедший поход через весь Афганистан за его старинным другом и наставником в айкидо Колькой Карамановым, который оказался ни много ни мало резидентом внешней разведки почившего в бозе СССР и который ни при каких условиях не мог вернуться на Родину сам. И ведь сумели же! Пройти через пески Регистана до самой южной границы Афгана и вернуться с Монахом (та-

кой был «рабочий позывной» у Кольки), полуживым, правда, но ведь живым! Им тогда здорово досталось, всем...

«...Да, — Андрей мысленно вспоминал такие родные лица друзей, — развлеклись тогда на славу...»

То еще было развлечение... Или та сумасшедшая «охота» за Рафиком и Гамлетом Мелкянцами, которая началась в воюющем Приднестровье и закончилась в пылающей Абхазии. Хотя эта охота для самого Андрея закончилась много позже и не очень-то хорошо. Да что там! Было, всяко было!!! Андрей жалел лишь о том, что судьба разбросала их команду в разные стороны, да так далеко, что и не встретиться уж теперь никогда.

«Братишки! Где вы теперь, мои родные вояки? Что с вами? Живы ли?»

Это была команда. Настоящая! Вернее, группа. На сухом армейском языке просто РДГ. Разведдиверсионная группа ОСН «Витязь». Четырнадцать отборных бойцов, во главе которых стал желторотый тогда еще лейтенант Андрей Проценко, он же Филин. И они, эти вояки, стали «командой Филина». «Краповые береты».

Когда-то Слон, самый первый зам Филина, описал для него каждого из группы, и, наверное, не стоит ничего менять в его словах, а надо попросту вспомнить:

«... — Ну, хорошо. Значит, так:

Маргус Сели, кличка Ганс. Латыш. Старший сержант, 24 года, попал к нам из спецназа ВДВ. Снайпер, рукопашный бой. Полтора года Афгана, орден Боевого Красного Знамени.

Алишер Шпекбаев, Бай. Таджики. Старшина, 26

лет, к нам — из спецназа ГРУ, бывший прапорщик. Глубинная разведка, владеет языками — пушту, фарси. Снайпер. Два года Афгана, медаль «За отвагу», представлен к ордену Ленина, но пока не получил.

Абдулло Эргашалиев, Мулла. У них с Баем почти все одинаково, и места службы, и возраст — они из одного аула из Пянджской области, выросли вместе и служили вместе. Они как братья, Бай везде за собой Муллу таскал... Так вот, младший сержант, глубинная разведка, инструктор по выживанию — он потомственный змеелов... Рукопашный бой. Медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги».

Леша Гузенко, Змей. Хохол, старшина. 28 лет, к нам попал из общевоисковиков. Пулеметчик от бога — со 100 метров из РПК в ростовой мишени рисует восьмерку. Пришел после двух сроков в Афгане и ранения. Орден Красной Звезды.

Миша Парубец, Док. Наш уникам — вундеркинд! Окончил четыре курса военно-медицинской академии, еще бы немного, и получил бы звезды, а так... Но он и без диплома всем нашим дырки латает в «поле» будь здоров...

— И что, много дырок приходится латать? — поинтересовался тогда Андрей.

— Служба такая... — как-то туманно ответил сержант. — Да! Так вот, Док. Он ведь мастер спорта по самбо, дзюдо и боксу и кандидат в мастера по контактному карате, коричневый пояс. Специализация, наверное, сам уже догадался. Медаль «За отвагу». Сержант. Дальше...

Каха Сабиашвили, Брат. Грузин. Младший сержант, 22 года, к нам — из ВДВ. Любые виды холодного оружия — это у него национальное, метать мо-

жет абсолютно все, что имеет острый край. Орден Красного Знамени, Боевого... Год Афгана.

Каха Каджая, Кабарда. Он очень любит кабардинских скакунов. Абхаз. 23 года, младший сержант, из погранцов. Засады, спецоперации. Медаль «За отличие в охране государственной границы».

Артур Сабиров, Индеец. У него глаза узкие и смуглость от деда-киргиза. Донской казак из Воронежа. Холодное оружие, рукопашка. К нам — из ВДВ. Полтора года Афгана. Представлен к МЗО¹, ждем.

Сашка Салин, Сало. Хохол, 24 года. Наша надежда и опора на «работе». Старшина из бывших прапоров, правда, звезды носил всего два месяца, но спец с большой буквы. Сапер-минер... Полтора срока Афгана. Имеет Красную Звезду.

Сашка Черный, Бандера. Из Западной Украины. Сержант. Наша ударная сила, при случае... Его, наверное, и черти в аду бояться будут... Безмозговая храбрость и сила от природы. Его все грозятся выбросить из отряда, но... Два ордена Красной Звезды.

Олег Грудинко, Бульба. Из ОМСДОНа². Белорус. Все как у всех — Афгана год, стрелок, рукопашка, МЗО. Наш связист, классный причем!

Сергей Губочкин, Тюлень. Из спецгруппы боевых пловцов, морпех, бывший... Младший сержант... Вода — его стихия, просто Ихтиандр какой-то! Правда, на это имя обижаются, а обижать его ох как не стоит! Где его откопали — не знаю, да и никто не знает, разве что Батя... 30 лет... Суров как сфинкс, но и надежен, слов нет. Красное Знамя, Красная Звезда, ждем

¹ МЗО — медаль «За отвагу».

² ОМСДОН — отдельная мотострелковая дивизия особого назначения и общевойсковой спецназ.

вторую! Это — наш аксакал, самый заслуженный — возраст, сам понимаешь, да и в жизни он видел... Так, иногда, по оговоркам, знаем, что у него за спиной Гренада, Ангола и все, что было рядом с водой. Но Тюлень молчит, а спрашивать у нас не принято...

— Постой, Слон. Ты ничего не рассказал о себе и о вашем Медведе.

— **Игорек Барзов**, Медведь... — произнес Слон, снимая куртку «комки» и оставаясь в майке-тельняшке. — Он вот уже два года и. о. комвзвода, должность-то офицерская. В отряде уже пять лет. Два срока в Афгане, сначала срочная, потом прапором, из бригады спецназа ВДВ. Оба срока в разведке. Орден «За службу Родине в ВС СССР» третьей степени, два ордена Красной Звезды, МЗО, МЗБЗ¹, афганская медаль «От благодарного народа». Но это все мишура — он боец, ВОИН! Таких сейчас мало. Понимаешь?..»

Вот такая она была — «группа Филина». Жаль только, что сам Слон, один из самых заслуженных ее членов, покинул группу после афганского похода. Не по своей воле, а потеряв обе ноги. Вытаскивал своего командира из-под огня...

«Эх, ребятки, ребятки! Родные вы мои! Как бы я был рад сходить с вами еще в один рейд, в наш «свободный поиск»...»

Он закурил очередную сигарету и отошел к окну.

Этот крепкий пока еще тридцатипятилетний мужчина вспоминал себя самого, того двадцатилетнего сопливого лейтенанта, полного надежд и амбиций Защитника Родины, служившего в самом эли-

¹ Медаль «За боевые заслуги».

тарном, наверное, подразделении Советской армии. Нет, убеждения его, конечно же, не изменились, и, будь его воля, он с превеликим удовольствием вернулся бы служить, но... На то его воля не распространялась — пенсионер... Теперь ему оставалось только вспоминать...

Ну, что, окунемся и мы в те воспоминания, дорогой мой читатель? Пройдем вместе с настоящими воинами по тем горячим дорогам, о которых начали понемногу забывать? Готов? Тогда...

«Группа, подъем!!!

Выходи строиться!..»

БЕКМУРЗА АТАБАЙ

Январь 1990 г. Одесса

...Продрогшие чайки с криком сваливались вниз к воде, не понимая, кто же это такой добрый решил подкормить их крошками хлеба. Резкий, холодный ветер сносил чаек к берегу, но они с завидным упорством, преодолевая шквальные порывы, пытались добраться до такой редкой в зимнее время поживы...

Было холодно. Такое теплое и доброе летом море штормило, рассерженно ударяясь тугими волнами о волнорез знаменитого Воронцовского маяка...

— Товарищ, м-м-м, капитан? — услышал Андрей за спиной мелодичный девичий голосок.

Обернувшись, он увидел миниатюрную девушку в джинсах и кожаной курточке «на рыбьем меху». В посиневших от мороза пальчиках она держала незажженную сигарету.

— Старший лейтенант, — ответил он.

— Я и говорю! Зажигалки не найдется?

— Обязательно.

Андрей смотрел, как девчушка тщетно пыталась прикурить под порывами ветра, и мысленно улыбался:

«Воробей совсем! Желторотик! И, наверное, промерзла до костей, вон сигаретка-то в губах кренделя выписывает».

Не говоря ни слова, он подошел к отцовской «тройке»-старушке и открыл дверцу:

— Давай прыгай внутрь. Посидишь, покуришь, отогреешься немного. Я сейчас печку включу. А то на сосульку похожа.

Девушка как-то очень серьезно, испытующе посмотрела в глаза Андрею и, видимо, что-то решив для себя, направилась к машине. Закрыв дверцу за неожиданной гостьей, Филин уселся на водительское место. Она справилась наконец-то с зажигалкой и не по-женски глубоко затянулась.

— Меня Андреем зовут. А тебя случайно не Снегурочка? Не растаешь в тепле?

— Не Снегурочка и не растаю!

— Понял! Девушка без имени и с плохим настроением.

— Да нет. — Она улыбнулась, являя на свет прекрасные зубы. — Меня Таней зовут, и настроение отличное. Только замерзла немного.

— Хочешь горячего кофе, чтобы согреться?

— Угу, — смутилась девушка.

— Ты одесситка? Может, знаешь, где готовят хороший? Или мне придумывать?

— В «Вечерке» можно попить приличный.

— Хорошо. Поехали.

«А ничего синичка ко мне в машину залетела. Симпатышка! Только малолетка... Так что тебе, Андрюха ибн Ляксей, ни фига не светит. А жаль!» — возникали под офицерской фуражкой фривольные мыслишки.

— А поведай-ка мне, Татьяна, какого черта лысого тебя вечером в такую-то погоду вынесло на Морвокзал?

— Это у меня такая маленькая традиция — я, ко-

гда в Одессу возвращаюсь, всегда перво-наперво хожу на Морвокзал. Ну, как будто с Родиной здороваюсь. Дура, да?

— Ну, почему же? Я, к примеру, делаю то же самое.

— Правда? — Она как-то всем телом подалась вперед, пытаясь заглянуть в глаза Андрею.

— А я малознакомым девушкам вообще не вру, — улыбнулся он. — Вот, посмотри в эти честные глаза! Разве они могут врать?

Он обернулся к Тане и свел глаза к переносице. Девушка звонко рассмеялась:

— Не-ет, эти глаза врать не могут!

— Ну, и откуда же ты, хохотушка, вернулась в Одессу?

— Из Москвы — я в Плехановском учусь, на втором курсе.

«Ага! Не такая уж малолетка!»

— А сейчас, я так понимаю, сдала сессию и к папе с мамой?

— Про сессию все верно, а про папу с мамой — нет.

— Это как же так?

— У меня папа военный — майор. Они с мамой и сестрой младшей в Монголии — это у папы командировка на пять лет.

— А ты что же?

— А я учусь. А когда приезжаю в Одессу, живу в нашей квартире.

— А когда ты в Москве, квартира что же, без присмотра?

— Зачем? Там моя подружка с мужем, а на мои каникулы они к своим родителям перебираются.

— Сдаешь, значит?

— Ага! За несколько месяцев набирается кое-что, так что на каникулы хватает — развлечься и отдох-

нуть от учебы. Да еще и родители высылают каждый месяц.

— В институте отличница, небось спортсменка, активистка?

— Не отличница, но и не троечница. Дзюдо занимаюсь — КМС. Так что на активистскую деятельность нет ни времени, ни желания.

Тем временем Андрей подрулил к входу в известное на весь город кафе «Вечерняя Одесса». За зашторенными окнами мелькали блики цветомузыки.

— Ну, пойдем, КМС, греться.

— Пошли. — Она бодро выпрыгнула из машины и, дождавшись Андрея, направилась внутрь.

Филин не заставил себя ждать.

— Эх, блин! Неудобно как-то в форме на дискотеку заявляться! — замялся было Андрей у входа.

— Да чего там! Тут всегда полно курсантов из училища, да и солдатиков хватает. Не бойся, белой вороной не будешь! — бойко проговорила Таня, сбрасывая курточку. Под курткой оказался свитер толстой вязки и, как отметил про себя Андрей, все...

— Так и воспаление легких получить можно!

— А я привычная! — Девчушка, увидев брошенный на нее взгляд, зарделась. — Ну, давай снимай уже свою шинель, и пойдем пить обещанный кофе.

Нехотя Андрей снял шинель и фуражку и сдал их гардеробщику. Получив номерок, он обернулся к висевшему тут же зеркалу, чтобы поправить форму. Таня широко раскрытыми глазами смотрела на Андрея.

— Это за Афганистан? — подошла она к нему и ткнула пальчиком в висевший на кителе орден и планку за тяжелое ранение.

— Не обращай внимания, — смутился Филин.

«Блин! А хотел же ведь «гражданку» надеть, только не нашел ничего по размеру — все мало стало!»

— Слушай, Татьяна, — спросил Филин, когда они уже сидели за столиком. — Можно я тебя буду Синицей называть?

— Что, имя не нравится? И почему Синицей?

— Упаси боже! Имя красивое — Татьяна! Просто у меня, у нас привычка профессиональная — у каждого, с кем общаюсь, есть какое-то необидное, мной или еще кем-то придуманное имя. А Синица — ну, просто потому, что там, на Морвокзале, ты мне напомнила замерзшую птичку с красной грудкой.

Девушка посмотрела на свой кроваво-красный свитер:

— Тогда и у тебя тоже должно быть второе имя?

— Филин.

— А что — похож! Хоть и улыбаешься, а брови свел и головой вертишь на триста шестьдесят градусов. Не бойся, тебя никто задирать не станет — ты своим орденом всех на лопатки уложил.

— Да я и не боюсь — это уже привычка, смотреть, что вокруг происходит.

— А ты где служишь?

— В Красной армии.

— Темнило! Ладно, давай греться будем. Мне... Кофе с коньяком... И какой-нибудь бутерброд...

Они пили кофе с коньяком, ели пирожные. Потом Андрей заказал бутылку шампанского. Татьяна щебетала без остановки — она отогрелась и оказалась на редкость милой и веселой пацанкой. А еще она умела красиво танцевать и делала это с каким-то особенным вдохновением. Ну а все медленные танцы они танцевали вместе.

— Ты, Филин, всех моих потенциальных кавалеров распугал, — прошептала она на ухо Андрею.

И верно, он замечал мужские плотоядные взгляды, обращенные на Таню — очень уж лакомый кусочек, но никто так и не подошел к их столику...

Вечер прошел отлично. А потом Таня, уже сидя в машине, заявила:

— Ну что? Вези меня домой. А то еще пристанет кто по дороге.

— Говори куда.

— Ленинской «Искры», 18. Знаешь, где это?

— Улицу знаю, а дом покажешь.

— Ну, тогда поехали!

Вскоре машина подъехала к дому Татьяны.

— Проводи меня, Филин, а то у нас в подъезде все лампочки пацанва поразбивала, — выбираясь из машины, проговорила девушка.

Андрей улыбнулся про себя — он уже догадывался, что будет дальше, только не подавал вида.

В подъезде в самом деле не было ни одной целой лампочки. Стояла кромешная темнота, правда, для Филина это не стало препятствием — его глаза очень четко различали ступеньки. А вот девушка, уцепившаяся за рукав шинели двумя руками и спотыкавшаяся на каждом шагу, напоминала слепого котенка. В этой темноте только красная кнопка лифта горела каким-то неестественным светом, указывая путь, словно маяк. Андрей приобнял девушку за талию, не давая ей случайно упасть, а та вдруг прижалась к нему всем телом и прошептала:

— Останешься? Поздно уже, оставайся!

— А надо?

— Надо! — твердо ответила Таня. — Очень надо! Ну, пожалуйста!

— Ну, хорошо. Веди!

— Yes! — прошептала девушка, увлекая Андрея за собой в квартиру...

— Ты тут пока располагайся, — проворковала Таня. — Шампанское открой, бокалы достань, ну, в общем, разберешься. А я пока под горячий душ — что-то я и правда замерзла немного.

Она вышла из комнаты, снимая на ходу свитер, и Андрей убедился в своей правоте — под свитером действительно ничего не было. Послышался шум воды.

«Смелая, засранка! А фигурка-то — высший класс! Только какая-то уж очень миниатюрная, хрупкая. До нее и дотронуться-то страшновато — того и гляди, сломаешь!..»

... — Ты что, уснул там, Филин! — вдруг, пробивая толчею мыслей, донесся до него голос девушки. — Зову, зову, а ты молчишь!

— Извини, задумался.

— Принеси мне халат, там, в шкафу.

Андрей выглянул из комнаты, и у него перехватило дух — дверь в ванную была распахнута настежь, и в клубах пара он увидел точеную фигурку Тани, стоявшую под упругими водяными струями...

— Я сейчас! Секунду!

Сбросить с себя одежду для него — человека военного — было делом считаных секунд. Андрей шагнул в ванную:

— Синичка! Я уже здесь, хватит париться — ты же не в сауне.

Таня выключила воду и повернулась к Андрею. По смугловатой коже стекали капли воды, а сама она вздрагивала всем телом, словно застоявшаяся кобылица. Затем Таня протянула руки к Филину и, опершись на его плечи, шагнула из ванны:

— Ну, вот! Из одежды у него был только меч! Догадался наконец-то!

Она, словно медвежонок-коала на дереве, повисла на Филине.

— Пошли? — кивнула она в сторону спальни.

Бережно уложив девушку на кровать, он, боясь причинить боль, медленно вошел в ее горячую податливую плоть. И все...

— Прости, Синица. — Андрею было стыдно, и краска залила его лицо до самых ушей. Он попытался встать, но девушка не выпустила его.

— Давно женщины не было?

— Давно. Все некогда за службой было.

— Это не страшно. Ты лежи, вот так, и все правится.

Ах, как же она была права!.. Не прошло и пяти минут, как Филин вновь воспрял «духом»... И не торопясь, вдумчиво довел девушку до хриплых, оргазмовых стонов...

— Наша армия крепка! — шептала она, все крепче обвивая Андрея ногами. — Это было здорово, Андрюша! Очень здорово! Спасибо!

— Мне тоже было очень хорошо! А ты как капкан на медведя — не отпускаешь.

— Я так хочу! Это что, плохо?

— Да нет. Просто необычно.

— Для меня тоже. Я так никогда не делала раньше, а сейчас почему-то захотелось. Имею право?

— Имеешь, имеешь! — улыбнулся Андрей.

Этот марафон продолжался до самого утра. И до самого утра она так и не дала ему выйти из своей нежной плоти. Вообще в Тане была какая-то животная ненасытность...

И только когда в окна заглянуло по-зимнему

снежное, пасмурное утро, они обессиленно легли рядом, превратившись в отдельные организмы — опьяненного ласками мужчину и уставшую, но удовлетворенную женщину...

— Спасибо, Геракл.

— Тебе спасибо, нимфа.

— Хочешь кофе?

— С удовольствием, — ответил Филин. — А телефон у тебя есть?

— У тебя возле головы стоит, на трюмо. Не заметил? — Таня отправилась готовить кофе.

— Алло! Ма, это я.

— У тебя все в порядке?

— Да, все хорошо.

— Андрюша, тебе звонили со службы вчера вечером.

— Что сказали? — вскинулся Филин.

— А ты Игорю перезвони — он все знает.

— Хорошо. Ма, пока!

Андрей стал торопливо набирать номер Медведя. Трубку подняли сразу, как будто ждали звонка.

— Это я. Чё там за аврал?

— Слава богу! Значит, так, командир, звонили из отряда с приказом от Бати прервать отпуск и явиться по месту службы. Наш самолет сегодня вечером. Билеты — по брони КОДВО¹.

— Что-то случилось?

— Не знаю, Андрюха, только мне сказали, что всю группу из отпусков отозвали.

— Значит, что-то случилось. Ладно. Я еду. По пути заскочу в штаб округа. Собирайся, Игорек. Чую, что есть «работа».

¹ КОДВО — Краснознаменный Одесский военный округ.

— Ты уезжаешь? — поникшим голосом спросила вошедшая с подносом Таня.

— Прости, Синичка, — служба.

— Кофе-то попьешь?

— Обязательно!

— Как же так?! Так хорошо было, и вдруг все улетучилось.

— У меня такая работа, Танюша.

— Мы еще встретимся?

— Конечно же! И не раз! Все твои данные — и в Одессе, и в Москве — у меня есть. Так что выше нос, Синичка, — все будет хорошо!!!

— Обманешь?

— Слово даю!

— Ладно. Посмотрим на твое офицерское слово... — сказала она грустно, обнимая Андрея.

— Я своим словом не разбрасываюсь! Ну, все. Мне нужно идти — труба зовет.

— Осторожнее там, Андрюша, — я тебя ждать буду!..

— Как получится...

18 января 1990 г. Отряд

— Так, товарищи офицеры. — В кабинете у Бати находились командиры чуть ли не половины личного состава «Витязя». — Хреновые дела у нас с вами. Личный состав отряда в срочном порядке откомандировывается в Узбекистан.

Офицеры задвигались, ожидая продолжения.

— Такие дела. Начались межнациональные беспорядки в Фергане. Узбеки турков-месхетинцев режут почем зря. Там сейчас все как на скотобойне.

Резня идет страшная, погромы. Части общевойсковиков не справляются. Пришел приказ обеспечить в городе и окрестностях наведение порядка. Времени у нас нет — там полный дурдом, по сводкам. Так что возвращайтесь во вверенные подразделения, готовьте личный состав. Вылет сегодня вечером — время уточню позже. Всем быть готовым по боевой — опять повоевать придется. Все! Все свободны! Кроме Филина и Джо!

Когда дверь кабинета закрылась за последним «краповым», Батя открыл сейф и достал карту.

— Для вас будет отдельное задание, — произнес он, разворачивая карту на столе. — Вам, ребятки, придется по горам побегать. Не забыли еще альпинистскую подготовку?

Филин и Джо ждали продолжения.

— Значит, так, разведка, задача перед вами ставится очень сложная, почти нереальная, но решить ее необходимо. В общем, дела обстоят следующим образом. Вся эта бойня в Фергане, по оперативной информации, происходит не просто так. Некоторое время назад МВД Узбекистана успешно провело несколько рейдов по изъятию наркотиков. Накрыли несколько перевалочных баз, арестовали пару десятков человек и выяснили, что всем этим дерьмом управляет один очень серьезный мужик из местных потомственных баев — Бекмурзаев Бекмурза Атабай. Причем происходит все по прекрасно отлаженной схеме. Где-то в горах у него есть перевалочная база и «свечной заводик». Получает он опий-сырец из Чуйской долины, а может, и из-за Речки — точно неизвестно, — но благо мест для переправки обнаружено несколько: Ишкашим, Рушан. Но караваны все же проскакивают в Горный Бадахшан, а уж оттуда, неиз-

вестными пока тропами, через перевалы попадают к Бекмурзе. Все это безобразие творится в основном тогда, когда открыты перевалы. Сейчас же, зимой, идет активная переработка сырца в героин или что там еще... Достоверно известно, что существует один такой завод-лаборатория. Хотя, может, их и больше — масштабы-то огромные. Так вот эту срань отправляют через Фергану в Коканд и дальше из Киргизии. Там, где-то в горах, наш Бек и засел. Фергану ему перекрыли, а тащить все это богатство в Ош или в другую сторону, на Душанбе, у него, видимо, нет возможностей. Да и то сказать, есть там свои беки и баи. Вот он, сволота, и сыграл на давнишней неприязни узбеков к туркам-месхетинцам. Ему позарез необходимо открыть Фергану, хоть даже ценой бойни. Ферганская долина — это стратегическая точка... Что-то проясняется?

— Мы должны найти базу и завод.

— Правильно, Филин. Найти и ликвидировать. Если это удастся, то о самом Бекмурзе позаботятся его «деловые партнеры», да и хрен с ним. Наркота — это причина, резня в Фергане — следствие. Устраним причину — избавимся от следствия.

— Понятно, Батя. Что известно по месту? Есть хоть что-нибудь?

— Есть предположения аналитиков.

— Полна попа огурцов...

— Это, ребятки, Памир. Высокогорье. Работать придется на высоте за четыре тысячи метров, там ведь недалеко и пик Коммунизма. Да, сынки, это вам не Гиндукуш — условия крайне сложные. В это время года большинство перевалов закрыты. Снег и мороз, мать его, за тридцать. Есть, предположительно, два маршрута для караванов. Первый: если через гра-

ницу переваливают где-то в районе Хорога или Рушана, тогда он должен выходить на городишко Бартанг. Дальше без дорог, по тропам на Гудару, ну а дальше... Дальше, опять же предположительно, через перевалы Акбайтал, Кызыл-Арт он попадает в Киргизию к кишлакам Сары-Таш, Гульча. До перевала Чыйырчык. Но это тяжелый и очень длинный путь. Есть еще один вариант, и это второй путь, наиболее вероятный. Если караваны пересекают границу севернее, в районе Калан-Хумб, или чуть-чуть южнее, тогда ему одна дорога — на Ванч. А вот оттуда, перевалив через ледники по тайным перевалам, он попадает в Кара-Мык. Это значительно ближе к Фергане. И вот еще что — предположительно, грузы оседают в районе Хайдаркен — Хамзабад. Но это предположения... Поэтому проверять будете оба маршрута... На первый пойдет Джо со своими ребятами. У тебя четыре взвода. Значит, так: один взвод на перевал Кызыл-Арт — пройти до Иркештама и вернуться в Сары-Таш. Еще один взвод идет от Сары-Таша до Кара-Мык — там около ста пятидесяти километров высокогорного серпантина. Третий взвод пойдет от Сары-Таша на Суфи-Курган и Гульча, до перевала Чыйырчык. Ну, и последний шурует от Папана до Кызыл-Кия. Ты, Джо, работаешь на технике, и, если честно, думаю, твоей задачей будет отвлекать и тревожить. Ну не может же Бекмурза, увидев в непосредственной близости «краповых», не забеспокоиться, не стальные же у него нервы. Тут ведь миллионы американских долларов завязаны...

— Ясно, Батя, — подал голос Джо.

— Самое тяжелое достанется тебе, Филин. Задача: десантироваться в район Кара-Мык, пройти через зону вечных снегов, выйти на Хайдаркен — Хамзаа-

бад. И все время отслеживать! Думаю, что Джо поднимет Бекмурзу. Деньги, деньги! Не может он не испугаться! Ну, а дальше понятно: найти и по возможности уничтожить базу и завод. На «вертушки» в высокогорье в это время года надежды мало. Так что Сало твой должен потрудиться на славу.

— Сало еще в госпитале.

— Сало твой уже в расположении, а вот остальные... Еще от ранений не оправались. У тебя, Филин, сейчас десять человек — группа усеченная, а для сегодняшней задачи этого мало. Может, возьмешь кого-нибудь у Джо? У него тоже ребята неплохие.

— Нет, не возьму. Ребята, не спорю, и у Олега есть отличные, но... Слаженность... Слаженность группы, Батя, — самое главное в «работе», а новичку или новичкам обтираться времени не будет. Вам ли говорить? Так что не надо. Справимся...

— Ну, смотри. Ты командир уже «обтертый» — тебе должно быть виднее. Что с проводником решаешь?

— У меня есть в группе местные жители практически.

— Бай и Мулла? Они из Пянджской области, кажется?

— Так точно.

— Ну, хорошо. — Батя задумался. — Тяжело вам будет, Филин. Горы — мать их... Снаряжение альпинистское, оружие, теплая одежда — все необходимо взять. Там сейчас морозы и ветер почище, чем в тундре.

— Ничего: бог не выдаст — свинья не съест.

— Ладно, сынки, идите в подразделения. На все про все у вас есть полдня. Вылет вечером. Вперед. Шагом марш!..

22 января 1990 г. Кульджа

Транспортные «Илы» «Витязя» поднялись в небо в восемь вечера 19 января. В снегопад. Их путь лежал в разрываемую горем Фергану. Впереди было около пяти часов относительного спокойствия. Ребята дремали, пытаясь урвать последние часы отдыха. Зная всю сложность задания, так могли поступать только настоящие профессионалы. Кто знает, когда удастся поспать в следующий раз? Может, только всевышний...

Равномерный, мощный гул турбин наводил дремоту. И только Филина мучило какое-то смутное беспокойство:

«...Тяжелый будет десант. Ох, какой тяжелый! Так прыгать еще не приходилось — ночью, на скалы, при ограниченной снегопадом видимости... Да еще никто не знает, какой будет ветер. А высота?! С кислородными аппаратами мы еще не прыгали, а тут... Высота-то пять тысяч метров, а фактически у нас будет не более семисот — высокогорье, мать его! Да еще этот мороз! В Москве было минус семнадцать. А что будет там, когда за тридцать упадет? Надо будет лицо жиром намазать или хотя бы вазелином. Ребята вон все с баночками сидят. Ну да ладно. Нам бы только приземлиться, а там уж полегче пойдет...»

Впоследствии Филин думал, что все происшедшее позже он променял бы на сотню вот таких смертельно опасных десантов. Ну да это будет потом, а пока группа Филина со скоростью что-то около тысячи километров в час приближалась к месту десантирования...

— Ты, сынок, не торопись. Десант твой будет не из легких, потому я и полетел с твоей группой — ле-

тунов мое присутствие дисциплинирует. И выпускающим поработаю — вспомню молодость, — говорил Филину Батя, но скорее говорил себе. — Ты поспал бы немного, а я минут за тридцать до точки тебя толкну...

— Попробую. — Андрей откинулся к вибрирующей обшивке самолета.

— Вот и хорошо. — Батя говорил так тихо, что, кроме него самого, никто не мог слышать этих слов. Это были даже скорее мысли вслух. — Поспи, мальчик. Хотя уже и не мальчик — офицер, орденосец. А все равно — пацан пацаном. Да и вся команда его. Ну, кроме разве что Тюленя. Шпанюки-авантюристы. Все пострелять да повзрывать им... Их самих и стреляют, и взрывают, а им все нипочем. А Филин?! Сидит и обдумывает, что и как делать. Да им всем только за одно такое десантирование ордена повесить нужно. Тут бы кости собрать, в таких-то условиях. Э-эх!..

...Из кабины пилотов вышел штурман и показал Бате указательный палец левой руки.

— Филин, — Батя толкнул Андрея. — Мы на полете. Готовность десять минут.

— Е-эсть! Группа, приготовиться! До точки десять минут.

Зашевелились, просыпаясь, бойцы Филина. Проверили пряжки парашютов, оружие, кислородные аппараты. Медведь и Змей осмотрели еще раз крепление на тюке с грузом. Подергали, еще раз что-то подтянули. Появившийся штурман поднял над головой правую руку с оттопыренными тремя пальцами. «Три минуты!» Поднялись, выстроились в два коротких строя по пять человек. Затылок ощущает дыхание, рука на плече впередистоящего... Резкий поток холодного, обмораживающего ветра ударил в грудь,

и, казалось, ком снега поселился внутри сердца — медленно начала открываться задняя аппарель «Ила».

«Сейчас мигнет желтая лампочка — пять раз, а дальше зеленая — и вперед!..» — подумал Филин.

— Ни пуха!.. — прокричал в ухо Батя.

— К черту!..

После четвертого сполоха желтого огня Батя со штурманом вытолкнули в боковую дверь тюк.

Зеленый!!!

Побежали, пригибаясь, и посыпались из самолета, словно горох из дырявого мешка. Получили тугую, увесистую зуботычину морозного ветра и провалились в черную, снежную бездну...

«Тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре, тысяча пять — кольцо!»

Рванул вверх раскрывающийся купол, ударили в пах лямки «сбруи»...

«Так, норма! — Филин огляделся. Под ним смутно серели десять куполов. — Отлично! Грузовой тоже раскрылся. Теперь только бы не разбросало на километры...»

Мороз обжигал. И темнота... Это было, пожалуй, страшнее всего... Неожиданно резкий порыв ветра бросил Филина на несколько десятков метров в сторону.

«Твою мать! — Андрей тянул стропы, пытаясь сохранить направление. — Только бы все было хорошо! Не видно ни хрена, и этот ветер, сука! Только бы пацанов на скалы не вынесло!..»

Замигала лампочка высотомера — 50 метров. Андрей сбросил кислородную маску и стал всматриваться вниз. Еще 9 — 10 секунд. Вот он, момент истины!!! Земля стремительно приближалась... Он стал различать какие-то предметы, кусты... Филин спускался

по плавной кривой траектории, пытаясь затормозить падение стопами...

«Еще четыре-пять метров, и будет пор... Бля-а-а!»

Он резко поднял ноги, едва увернувшись от невесты откуда появившегося огромного валуна. Да так и приземлился — задницей в сугроб, зарывшись по грудь и отбив копчик. Загасив купол, поднялся с трудом и огляделся. Метрах в двадцати от него высился скальный палец в три человеческих роста.

«...Прилетел, бля, в Азию! Еще немного, и сел бы жопой на этот кол, мать твою!.. Повезло!..»

Достав фонарик с узким, как карандаш, лучиком голубого света, Филин сделал по две вспышки на все четыре сектора и, заметив несколько ответных вспышек, стал ждать.

Группа собиралась долго. Разбросало все же ее ветром...

Через двадцать минут послышался первый сигнал, и вслед за ним из темноты появились Бай и Салло. Еще через несколько минут явились Мулла, Змей и Бульба. Дальше ожидание затянулось, но прошло еще пятнадцать минут, и к ребятам присоединились Медведь и Бандера, волочившие тюк с грузом.

— Все в порядке? — тихо спросил Филин.

— Норма...

— Порядок...

— Жопу отбил об камень, — сказал Змей. — Сидяк будет, наверное, аж до затылка.

— Главное, чтобы твоя жопа не распухла — в штаны не влезет, — пробубнил Бандера, распаковывая тюк.

— Я ее в снег засуну...

— Кто видел Дока и Ганса?

— Их отнесло от меня метров на пятьсот или больше, — сказал Бай. — Там скалы голые...

— Хреново...

— Будем искать?

— Подождем еще минут десять. А пока надо распределить груз.

Вдруг метрах в трехстах от группы «завыл» горный волк. Ребята замерли, насторожившись. Через мгновение они увидели три серии частых вспышек — «Все ко мне! Нужна помощь!».

— Бандера, Бай, бегом!

«Что-то случилось. Только бы все живы были!»

Вскоре они различили три приближающиеся фигуры. Кто-то шел, прихрамывая.

«Кто?» — ударила Филина мысль и бросила навстречу. Хромающим оказался Док. А вот Гансу не повезло... Совсем не повезло...

— Нас на скалы выдуло, — морщась, говорил Док. — У меня вывих небольшой — ерунда, жить можно, — а вот у Ганса совсем хреново. У него при падении нога провалилась в расселину, а купол потащил... В общем — открытый перелом... Он без сознания. Необходимо срочно в госпиталь, иначе без ноги может остаться...

Ребята смотрели на белое как мел лицо Маргуса, а несший его Бандера распечатывал пакет первой помощи.

— Давай-ка лучше я попробую что-то сделать, Сашок, — протянул руку Док. — Ему сейчас главное — кровотечение остановить и зафиксировать как есть. Остальное ему потом делать будут. Если вытащим...

Сломанная кость, прорвав кожу и ткань формы, страшным обломком выглядывала наружу.